



## КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ОППОЗИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

**Т. И. Краснова**

*Санкт-Петербургский  
государственный  
университет*

*e-mail:  
taikrasnova@yandex.ru*

В эмигрантских газетах выявились парадигмы речевой семантики, которые можно представить в виде ментальных соотношений: конфликт – насилие – гибель (болезнь); неприятие – сострадание – обвинение; количественность – качественность; болезненность – аморальность. Тексты строятся по принципу семантической оппозиции, модель которой в различных по содержанию высказываниях отвечает конфликтным реалиям действительности и модальности неприятия, связанной с оппозитивным газетным дискурсом.

Ключевые слова: русское зарубежье, газетный дискурс, текст, лексика, оппозитивность, семантическая оппозиция, отрицание, парадигма, референция, модальность.

Сначала поясним для читателя содержание термина *оппозитивность* – основного понятия, связанного в исследовании с формацией газетного дискурса русского зарубежья эпохи революций и войн (1917 – 1922 гг.).

Понятие *оппозитивность* существует в трех измерениях процесса коммуникации: первое – как *социопсихическая реакция* идеологического субъекта газеты на происходящее в действительности; второе – как идеологически устремленная *модализация* (интенциональность), которая вносит в речевое «тело» дискурса; третье – соответствующую интерпретации действительности *структуру* семантико-речевого противоположения (оппозиции). Термин *оппозиция* понимается широко: это содержательно и структурно выраженное в речи отношение различия и противоположения, маркирующее характер оценочного несоответствия в положении дел.

Обратимся к суждению, ставшему классическим: «Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать основанием для сравнения» [9, с. 75]. Основанием для сравнения и анализа разного газетного материала можно считать общий для него проблемно-критический характер. Он вызван обостренной конфигурацией действительности и – в сознании автора – ее познавательного-оценочного, целеполагающего в тексте отражением. Текст можно представить как прагматическую модель действительности, которой соответствует определенная структура в форме единств семантико-речевых оппозиций.

Изучение семантико-речевых оппозиций в структуре газетного текста проводилось в традициях теории текстовых единств – на парадигматическом и синтагматическом уровнях анализа. На *парадигматическом* уровне (первый этап анализа), дающем возможность охватить большие массивы новостных текстов, главным объектом наблюдений являлась лексика с учетом ее роли в предикативном центре высказываний. На *синтагматическом* уровне – объектом наблюдения являлись динамически развертывающиеся сверхфразовые единства в составе конкретного текста и целый текст. В настоящей статье сосредоточимся на первом этапе анализа – изучении лексических соотношений как элементов референт-ситуации. Это дает возможность систематизировать те структуры репрезентации, которые встречаются в содержании новостей в качестве проявления **общего принципа когнитивно-семантического противоположения**.

Известно, что любая оппозиция связана с категорией отрицания. В формальной логике отрицание понимается как «отсутствие» и «различие» (концепция особой отрицательной реальности), как «знание об ином бытии» (концепция реальности, отличной от данной), как логический оператор, способ опровержения ложности высказанного суждения (концепция преодоления ложного знания), как субъективно-оценочная реакция, неодобрение мыслимого содержания (психологическая концепция отрицания), как элемент



смысла суждения, имеющий объективное основание (содержательная концепция отрицания) и др. Не только в философии, логике, но и в языке, речи категория отрицания входит в разряд фундаментальных, сущностных в своем явлении дуализма [1; 3]. Всякий отрицательный смысл противопоставлен какому-то положительному и возможен только на его фоне. От конкретной коммуникативной ситуации зависит, активизировано ли это значение до степени «противоборства» знаковых основ. В нашем случае это именно так. Само возникновение и животворное существование эмигрантской печати в свете политических ситуаций своего времени воспринималось читателем и до сих пор ощущается исторически как фоновое отрицание, причем отрицание с точки зрения морально-ценностной. Перейдем к анализу.

На парадигматическом уровне анализа методом сплошной выборки из текстов была извлечена актуализированная в коммуникативном отношении лексика. В предикативной функции она входит в состав основы предложения или распространяет в качестве атрибута и объекта подлежащее и сказуемое. Изучаемый материал показал, что в указанный исторический период в составе новостных текстов наиболее активизированы два вида семантико-речевых оппозиций – элементов типичной референт-ситуации: *насилие/ненасилие* и *антинорма/норма*. Большую разработку в текстах получает *негативное* поле семантики, в то время как *позитивное* присутствует либо в виде ассоциированных мотивов, либо зачастую лишь мыслится (норма). Термин «мотив» используется для обозначения свернутого представления\*. Заметим также, что оппозиция «насилие/ненасилие» вторична и входит как частная в соотношение «антинорма/норма». Вторичная оппозиция рассматривается первой по причине усиленной прагматической актуализации в политизированном дискурсе эмигрантской печати.

*Семантико-речевая оппозиция **насилие / ненасилие***. На парадигматическом уровне анализа в массивах новостных текстов устанавливались общие когнитивно-семантические схемы развертывания сообщений. Методом сплошной выборки из таких текстов была извлечена актуализированная в коммуникативном отношении лексика. В предикативной функции она входит в состав основы предложения или распространяет в качестве атрибута и объекта подлежащее и сказуемое.

Предикативно обозначенная роль слова как аргумента – идеологический знак его погружения в активный, «отвечающий» характеру ситуации контекст. В таком контексте слово может нести любую идеологическую функцию, в частности «моральную» [2]. Установление концептуальных оппозиций в массиве предикативно актуализированной лексики связано с ее категоризацией. Лексико-семантические группы слов концептуализируются в результате категоризации речевой семантики в парадигмы. Выявление **концептуальных парадигм** в семантике высказываний осуществляется в итоге сопоставления двух концептуальных структур, принимающих форму высказывания «X – это пример категории Y» [6, с. 46]. Скажем, концепты «переворот» и «террор» – это пример категории «насилие», и словарные значения наименований включают такой смысл как сему. В нашем описании словарная операция не эксплицируется.

Выделяется группа лексики с актуализированной семантикой отрицания, включающая в макрокомпоненты своих значений семы «отсутствия», «лишения», «прекращения существования», «конфликта», «противодействия», «осуждения» и т.п.

В массиве политизированных текстов такая лексика не только распространена, но входит в *референтальную* идеографическую парадигму с соотношением **конфликт – насилие – гибель**. По форме это большей частью субъектно-объектные наименования с грамматическим значением предметно-качественной определенности и глагольные наименования со значением результативности. Ср. слова, выражающие а) ситуативную семантику конфликта: *нигилист, подстрекатель, предатель, хулиган; подлость, ненависть, проклятие, месть, война; свести счеты* и т. п.; б) ситуативную семантику насилия: *грабитель, разбойник; захват, разгон, разгром, зверство, террор, пере-*

---

\* Понятие *мотив* имеет коммуникативно-психологическую основу. В мотив превращается потребность, которая может существовать в виде представления или «образа результата». См.: Этнопсихоллингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1988 (раздел «Фоновые знания и языковая коммуникация»).



ворот, революция, штыкостратия; принудить, пасть жертвой и т. п.; в) ситуативную семантику гибели: *убийца, палач,; гибель, убийство, казнь, конец; разрушить, замучить, убить; быть на исходе, умереть, стать могилой* и т. п.

Подавляющая часть лексики, связанная с когнитивной семантикой **насилие**, – прагмемы, то есть слова, в лексическом значении которых совмещены оба компонента суждения : «предмет» – явление, обозначенное словом, и «предикат» – выраженная тем же словом отрицательная оценка. В публицистическом тексте прагмемы представляют собой свернутые суждения, обладающие силой воздействия [10]. Не случайно автор помещает их в коммуникативный центр высказывания (см. примеры ниже).

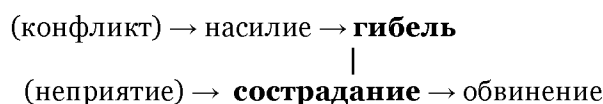
Меньшую часть приведенной лексики составляют прагмемы, включающие в семантику не только мотив насилия и его отрицательную оценку, но и позитивный эмоциональный компонент – **сострадание** говорящего к жертве насилия. Ср. : *беженцы, эмигранты, гибель, пасть жертвой, замучить, быть на исходе, умереть*. Используя прагмемы двойственной оценки, субъект как бы «расслаивается», а в тексте происходит наведение сем второго порядка.

В речевой структуре на референциальную идеографическую парадигму *конфликт – насилие – гибель* накладывается м о д а л ь н а я идеографическая парадигма концептов **неприятие – сострадание – обвинение** (фрейм модализации). Модус неприятия выражается либо имплицитно (контекст, интонация, кавычки) или эксплицитно с помощью перформативов *протестую, не согласен, не хочу чтобы...*, атрибутивами *неверный* (шаг), *несправедливо* и т. п. Модус обвинения выражается прямым или косвенным указанием на виновных. Рассмотрим два текста.

1. После обыска, которому он [Г. В. Плеханов] подвергся в Царском Селе сейчас же после *большевистского переворота*, он *принужден* был оставить Россию и *искать спасения* в одном из санаториумов вблизи Териоки. Он *умер* там 30 мая, *нав жертвой* деятельности белогвардейцев, германцев и большевиков (Народная газета. Нью-Йорк, 1918, 13 июня).

Референциальная парадигма «конфликт–насилие–гибель» представлена в тексте а) предметно-оценочными словами с семантикой насилия и б) предикатами двойственной оценки, которые наряду с семантикой насилия включают в текст модус сострадания. Мотивы конфликта и неприятия присутствуют имплицитно, так как речь идет о насилии и сострадании, а семантика гибели открыто, наряду с мотивом сострадания и косвенным выражением обвинения.

Модель ситуации:



Таким образом, в семантико-речевой оппозиции *насилие/ненасилие* в структуре текста происходит частичное наложение разных идеографических парадигм – референциальной и модалной. Это возможно благодаря прагмемам двойственной оценки и в целом по причине ассоциированности лексической семантики в когнитивном комплексе данной прагматической ситуации (сообщение о смерти лидера).

2. Дзэбс *заступается* за эсэров (По просьбе В. Чернова он обратился с *протестом* к Н. Ленину).

Чикаго, 27 июля. Престарелый вождь американских социалистов Юджин Дзэбс, находящийся в местном санаториуме, отправил в Москву на имя Н. Ленина каблограму следующего содержания:

«Ленин, Москва. Вместе со всеми цивилизованными людьми и во имя общего человеколюбия я *протестую против казни* кого-либо из социалистов-революционеров или *несправедливого лишения* их свободы. Советская Россия может явить пример *отказом* следовать методам мирового царизма. Она должна высоко держать знамя, которое мы стремимся водрузить, и которое мы почитаем» (Юджин Дзэбс).



*Протест* Дэбса явился ответом на каблограмму, полученную им из Берлина от группы эсэров, возглавляемых В. Черновым\*. Каблограмма эта гласила: «Дело 22-х русских эсэров близится к концу. Всем грозит смерть. Большевики желают совершить акт мести. Просим возвысить голос американских социалистов сообща с протестом европейских социалистов. Телеграфируйте в Москву. Положение серьезно и малейшее промедление повлечет за собою непоправимые последствия» (Новое русское слово. Нью-Йорк, 1922, 28 июля).

Референциальная идеографическая парадигма представлена в тексте эксплицитно: словами с семантикой конфликта *протест, несправедливый, отказ*; словами с семантикой насилия *несправедливое лишение, акт мести*; словами с семантикой гибели *казнь, конец, смерть, непоправимые последствия*. Модальная идеографическая парадигма, накладываясь на слой первичной семантики, образует композиционно-смысловые скрепы. Модус неприятия передается повторами слова *протест*: от лица Дэбса (перформатив), от лица эсэров и с объективированной точки зрения (в орудийном значении). Модус сострадания также повторяется и связан с субъектным расслоением актов речи: от лица автора в ремарках – *Дэбс заступает за эсэров, престарелый вождь, находящийся в местном санаториуме, по просьбе В. Чернова*; от лица Дэбса – *во имя общего человеколюбия*; от лица эсэров – *просим возвысить голос американских социалистов*. Модус обвинения эксплицитирован от лица эсэров – *всем грозит смерть, Большевики желают совершить акт мести*, но имплицитно содержится и в речи Дэбса.

Конфигурация указанной выше модели варьирует в зависимости от точек зрения, которые могут быть отражены в текстах с разной степенью определенности. Сравните ниже информацию с места события, где преобладают структуры знания и отраженные в чужой речи структуры мнения, выступающие в статусе знания.

Между лицами, *расстрелянными* в последние дни в Петрограде, фигурируют девять журналистов, редакторов или сотрудников «буржуазных» газет. Они *осуждены*, согласно официальному сообщению, за то, что «возбуждали своими писаниями население против советского правительства» (ОД 1918, 12 окт.).

Модель коммуникативной ситуации отражает две точки зрения – явную (большевиков) и неявную (идеологического субъекта газеты).

Явленная  
в тексте

точка зрения большевиков

конфликт → обвинение → смерть

↑

Не я в н а я точка зрения ИС газеты **неприятие** (*сострадание – обвинение*)

Модель отражает внутритекстовую (чужая речь) точку зрения большевиков и относящуюся к ней как внешняя, имплицитную точку зрения идеологического субъекта газеты. Мотив конфликта обозначен в составе цитируемого обвинения: «*возбуждали своими писаниями население против советского правительства*». Семантика насилия и гибели содержится в строке сообщения о жертвах расстрела. Поставленная в кавычки и, таким образом, отчуждаемая идеологема «*буржуазные*» свидетельствует об остранинной точке зрения ИС газеты. Но эта остранинность не мешает читателю понять оценку факта сообщения (т.е. скрытое мнение ИС газеты). Хотя модус неприятия присутствует в тексте имплицитно, он передается идеологией издания в целом и фактом предъявления враждебных читателю мотивов террора в частности.

Обратимся к в а р и а н т а м той же модели. Вариативность связана с идеологией газеты по месту издания и с конкретной направленностью публикаций в прагматике момента борьбы эмигрантов за свои права. Рассмотрим пример из пробольшевистской газеты «Голос труженика» в Сев. Америке. Здесь актуализирован иной конечный элемент референциальной парадигмы: **конфликт – насилие – болезненное состояние (поло-**

\* Чернов В. М. (1873 – 1952) – один из основателей партии эсэров, ее руководитель. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. В 1919-1920 гг. жил нелегально в Москве, затем выехал за границу.



*жение дел*). Имеются в виду трудности, связанные с положением русских рабочих в Америке, в период Гражданской войны в России.

В Монтевидео, Уругвай, *происходят забастовки*, в особенности в транспортной индустрии. Правительство *применяет войска для подавления* забастовочного движения. *Виновниками забастовок считают русских агитаторов*, проявляющих усиленную деятельность в последнее время. Правители не могут понять, что высокие цены на продукты *вынуждают рабочих бастовать* (Голос труженика. Чикаго. 1919, 4 янв.).

Референциальная парадигма «конфликт – насилие – болезненное положение дел» занимает центральное место. Модальная парадигма «неприятие – сострадание – обвинение» находится с ней в отношении косвенного соответствия. Мотив конфликта получает усиленную проработку, доминируя в предикативном составе всех четырех высказываний (*забастовки, забастовочное движение, бастовать*). Семантика насилия включена в конфликтный смысл как сопутствующая борьбе (*применять войска для подавления забастовочного движения*). Смысл 'болезненное положение дел' косвенно присутствует в трактовке ситуации, когда ощущается безвыходность положения: *Правители не могут понять, что...* Болезненное ощущение безнадежности положения должно вызывать у читателя протест, что и планировалось ИС газеты.

Модальная парадигма «неприятие – сострадание – обвинение» отражает активную позицию ИС, но выступает внешней по отношению к текстовой ситуации. Модус неприятия выражается имплицитно – в смысловом нагнетании отрицательных фактов и мотивировкой происходящего (*виновниками забастовок считают русских агитаторов, проявляющих усиленную деятельность в последнее время*). Модус сострадания с семантикой обвинения ассоциативно привносится в текст указанием: *Правители не могут понять, что высокие цены на продукты вынуждают рабочих бастовать*.

Обратимся к другому тексту, чтобы показать их типичность для данной газеты.

В штате Коннектикут *называют забастовки*. Хозяева фабрик и заводов стали *выбрасывать рабочих*, а некоторых переводят на другую работу и *уменьшают заработную плату*. Это *слишком чувствительно отражается* на благосостоянии рабочих, а в особенности семейных, и начинает приводить их в сознание.

*Масса чувствует несправедливость*, но она не организована и представляет сырой материал. В гор. Сыморе уже *вышли на забастовку* 600-700 человек из «Бросс Милл». Но нет у них опытного руководителя, который соорганизовал бы их в один Большой Союз – иначе стачки могут быть проиграны (Голос труженика. Чикаго. 1919, 14 июня).

Смысл «болезненное состояние (положение дел)» получает психологически акцентированное выражение (*это слишком чувствительно отражается на..., масса чувствует несправедливость*). Ситуация вызывает сострадание (*рабочие семейные*). Смыслы неприятия и обвинения сопровождают референт-ситуацию насилия благодаря словам-прагмам: *Хозяева фабрик и заводов стали выбрасывать рабочих...* Семантика обвинения неоднородна, ей сопутствуют прагматически разные смыслы: 1) обвиняются хозяева, 2) обвиняется передовая часть рабочих, не сумевших «организоваться».

Таким образом, анализ оппозитивности в рядах предикатно ориентированной лексики с семантикой *насилия* обнаруживает сходные парадигмы социально актуализированных идей (концептов) в среде дискурсов с противоположной идеологической подоплекой и направленностью (анти-/про- большевизм). Смысл 'ненасилие' оказался не существенным, свернутым для наблюдаемых речевых контекстов.

*Семантико-речевая оппозиция антинорма / норма*. В группе актуализированной атрибутивной и предикатной лексики с семантикой отрицания как отклонения от нормы действует вертикальная шкала отношений. Уровень нормы – представление о должном – является фоном негативной информации. Концепт борьбы представлен в текстах умозрительно как «сопротивление» умственного начала (разумности).

Выделяется незначительная часть лексики с семантикой рациональной оценки и констатации того факта, что явление находится за порогом нормы: *ненормальный, неуместный, непонятный, странный*. Подавляющая часть лексики состоит из слов эмоциональной оценки с ассоциированной семантикой, включающей неприятие, иронию, осуж-



дение. По форме это нередко атрибутивная или субстантивная лексика, имеющая в тексте полупредикативное значение.

В отношении к уровню нормативных представлений лексика с семантикой анти-нормы распадается на две группы:

1) лексика, фиксирующая степень **превышения нормы по количественному признаку**: *тяжелый, бесконечный, нестерпимый, маниакальный, фантастический; загадка, сфинкс*;

2) лексика, фиксирующая характер (реже степень) **принижения нормы по качественному признаку**. Сюда относятся слова, мотивированные социальным понятием «низы»: *деклассированные массы, низшее существо, дно*. Однако основную массу этой группы лексики составляют: а) лексика, ассоциированная по семе 'болезненность' (физическая и психическая): *старый, сухой, страшный; нелепый, бессмысленный, ненормальный* (психич.), *маниакальный; похмелье, анемия* и т.п.; б) лексика, ассоциированная по семе 'аморальность': *цинизм, подлость, бесстыдство; авантюрный, на все способный, преступный* и т. п. Это самая разработанная в газетах группа слов, формирующая идеографическую парадигму «конфликт – насилие – гибель» в составе текстов антибольшевистского направления.

Чтобы рассмотреть оппозицию **антинорма / норма** в структуре разных текстов, обратимся к фрагментам двух публикаций на темы местной жизни. Как увидим, соотношение двух парадигм (референциальной и модальной) сохраняется неизменным, что подтверждает их общую причастность к проблемно-критическому дискурсу эмигрантских газет и к фундаментальному логико-психологическому отношению диктум-модус:

1. Ни для кого не секрет, что наша *старая* школа с ее трех-, а иногда и четырехмесячными каникулами жила *далеко не нормальной* жизнью: «*выматывая*» за зиму *все силы* детского организма *сухой* учебой, *старая* школа «*проматывала*», выражаясь образно, во время *бесконечных* каникул на лето, *почти наполовину все то, что дорогой ценой было приобретено* зимой (Труд. Харбин. 1918, 10 апр.).

Референциальная идеографическая парадигма представлена в тексте в виде соотношения **конфликт – насилие – болезненность (нездоровье)**. Семантика конфликта связана с борьбой старого/нового и скрыто возникает в усиленной актуализации сем, связанных с образом «старой» (т.е. устарелой) школы. В текст заложена такая ситуация («сценарий»), в которой школа проявляет качества насильника по отношению к детям – жертвам болезненного «вампиризма».

Образная природа речи приводит к синтетизму смыслового выражения. Модус неприятия выражен рационально-оценочным повтором *старая* и эмоционально – в подтексте образного противопоставления. Модус сострадания и модус обвинения также выражены как в подтексте, так и косвенно: в «страдательном» опредмечивании жертвы и количественными противопоставлениями (квантитативной семантикой отрицания): «*выматывая*» за зиму *все силы* детского организма, «*проматывала*» во время *бесконечных* каникул за лето *почти наполовину все то, что дорогой* (т. е. высокой) *ценой было приобретено* зимой;

2. (1) Во время одной из очередных *бурных сцен* в парламенте, когда депутаты, *изрыгая ругательства, угрожали друг другу кулаками*, председатель палаты г. Земфиреску *грозил закрыть* заседание и сделал знаменательное заключение: «*Это – не парламент*»;

(2) Председатель палаты достаточно компетентен в ее оценке и надо признаться, что, пожалуй, *никогда не был так близок к истине, как при произнесении своего горького определения*;

(3) Но оно приобретает *поистине трагическое значение*;

(4) Девять месяцев работы – и ни один законопроект не принят. *Были* многословные и длительные разговоры о перенесении каких-то памятников – *и не было*, кажется, дня, обошедшегося без дразг и руготни;

(5) И на этом фоне разыгрывается *невиданная* транспортная *разруха*,\_проделываются продовольственные кунштюки г. Атанасиу;

(6) *В чем дело? Кто виноват?*;





(7) Виновато и большинство палаты, *не проявляющее должной здоровой инициативы*, – виновата тем более оппозиционная федерация, *творящая критику – критики ради*, потому, что ей упорно не удается вкусить славкаго яда власти (Новое слово. Кишинев. 1921, 2 марта).

Литературно-образная манера письма обусловила беллетризованный способ существования референциальной парадигмы в тексте, а значит и синтетизм ее выражения.

Отрицание как отклонение от нормы и неприятие этого отклонения (отрицание отрицания) воплощено в новом варианте схемы: **конфликт – угроза насилия – трагедия разрушения**. В 1-м абзаце референциальная парадигма «упакована» в форму иронической стилизации. Совокупная семантика составляющих ее смыслов выражена посредством а) контраста словосочетаний, нормативно недопустимых в речи, когда речь идет о работе парламента; б) логическим отрицанием идентификации *"Это – не парламента"*.

Модус сострадания выражен во 2-ой и 3-й абзацных фразах градацией атрибутивных форм оценки: *горькое определение, поистине трагическое значение*. Они усиливают напряжение в передаче конфликтной ситуации. Семантика, связанная с концептом «анти-норма», также нарастает. В 4-м абзаце она разворачивается в форме антитезы, построенной на отрицании: оппозиция *были / не было*. В 5-м абзаце разворачивание референциальной парадигмы достигает логического конца: появляется мотив гибели в слове *разруха*.

Модус обвинения эксплицирован в вопросно-ответном единстве. Здесь же (абз. 7) появляется мотив нормы, но лишь для того, чтобы подчеркнуть семантику антинормы: *не проявляет должной здоровой инициативы, творит критику – ради критики*. В заключительных строках обвинения ироническое неприятие достигает полноты сарказма: *не удастся вкусить славкаго яда власти*.

В итоге можно отметить, что изучение структуры содержания газетных текстов посредством выявления семантико-речевых оппозиций помогает представить совокупность знаний и мнений в различных массивах текстов в виде моделей понимания (интерпретации) действительности. Так в эмигрантских газетах выявились познавательно-ценностные парадигмы речевой семантики, которые можно представить в виде следующих ментальных соотношений: конфликт – насилие – гибель (болезнь); неприятие – сострадание – обвинение; количественность – качественность; болезненность – аморальность. Это соотношение базовых ментальных сущностей, или концептов, связанных по текстам в узлы семантических доминант, представляет собой некий «срез» состояния сознания в процессе восприятия эмигрантами текущей действительности. Тексты строятся по принципу семантической оппозиции, модель которой в различных по содержанию высказываниях отвечает конфликтным реалиям действительности.

Стратегическое поведение идеологического субъекта газеты направляется понятийным полем ценностных установок, входящих в некий культурный канон. В частности, выделенные концептуальные парадигмы могут быть связаны с архетипами национального сознания: с жалостью и состраданием к жертвам насилия и другими ценностями, прежде всего – христианскими.

Для газетного дискурса новостей типично *наложение референциальной и модальной парадигм*. Экспликация повторяющихся в текстах содержательных цепочек различается в зависимости от идеологической направленности изданий. В газетах *антибольшевистского* направления больше эксплицируются мотивы гибели и сострадания наряду с открытым или косвенным выраженным мотивом обвинения. Известные читателю смыслы, связанные с обозначением конфликта в модусе неприятия, присутствуют имплицитно. В газетах *пробольшевистского* направления наоборот – больше эксплицирована референциальная составляющая содержательной цепочки с акцентом на идеологический конфликт классового характера. Такой конфликт получает усиленную оценочную проработку в предикативных центрах высказываний. Модус обвинения здесь неоднороден, он расслаивается: наряду с «хозяевами» в состоянии положения дел обвиняются «несознательные» рабочие.

Ментальная и семантико-речевая оппозиция «антинорма / норма» выявляется в текстах умозрительно или косвенно. В основном косвенному проявлению этой оппозиции служит лексика с семей «антинорма», которая актуализирует *количественно-качественные отношения степеней несоответствия норме*. Такая лексика включает



кванторный компонент и больше разработана в текстах антибольшевистского направления, где она в качестве эмотивно насыщенной сопутствует формированию ситуации по схеме «конфликт – насилие – гибель».

Сценарно-повествовательная канва изложения с квантитативной семантикой отрицания характеризует также оппозитивный дискурс на темы местной жизни. Здесь ментальная оппозиция антинорма/норма заметно интенсивнее актуализируется *на уровне формы выражения* (например, стилистическими контрастами). Впрочем, и сдержанный информативный способ передачи идеологии сообщаемого по мере накопления создает эффект кумуляции негативного смысла.

#### Список литературы:

1. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. М., 1983
2. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб: Астипресс, 1995. – С. 216 – 380.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. М., 1975.
4. Краснова Т. И. Оппозитивность в структуре коммуникации (на материале эмигрантских газет эпохи кризиса 1918-1920 гг.) / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Вестник Пермского госуд. ун-та. Серия «Российская и зарубежная филология», 2011. – № 1. – С. 107 – 112.
5. Краснова Т. И. Модализация и интенциональность в аспекте анализа идеологического дискурса / Т. И. Краснова // Слово. Словарь. Словесность. / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб: Изд-во «САГА», 2012. – С. 353 – 363.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Моск. гос. ун-т, филол. ф-т, 1997.
7. Проскуряков М. Р. Концептуальная структура текста / М. Р. Проскуряков: Дис. ...д-ра филол. наук. СПб., 2000.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. М.: Академ. Проект, 2001.
9. Трубецкой Н. С. Основы фонологии: пер. с нем. / Н. С. Трубецкой. М.: Иностран. лит., 1960.
10. Эшпштейн М. Н. Идеология и язык / М. Н. Эшпштейн // Вопросы языкознания. 1991. – № 6. – С. 19 – 33.

### PARADIGMS OF OPPOSITE SEMANTICS IN THE NEWSPAPER DISCOURSE OF RUSSIAN EMIGRES

**T. I. Krasnova**

**Saint Petersburg  
State University**

**e-mail:  
taikrasnova@yandex.ru**

In émigré newspapers, the paradigms of the speech semantics have emerged recently which can be represented as mental correlations “conflict – violence – perish (illness)”, “rejection – sympathy – accusation”, “quantity – quality”, “delicacy – amorality”. The texts are based on the principle of semantic opposition, and the textual model differs accordingly the conflict realities and rejection modalities which is determined by the oppositional newspaper discourse.

Keywords: Russian diaspora, newspaper discourse, text, vocabulary, opposition, semantic negation, opposition, paradigm, reference, modality.